

ВЕЧНЫЙ

БЕССМЕРТНЫЙ  
ПРОКЛЯТЫЙ  
ВЕЧНЫЙ

ЭМИЛИ  
БОЛД

ВЕЧНЫЙ

Freedom  
Москва  
2020

УДК 821.112.2-312.9  
ББК 84(4Гем)-44  
Б79

UNVERGÄNGLICH wir  
© 2019 by Planet! in the Thienemann-Esslinger Verlag  
GmbH, Stuttgart.  
By Emily Bold (author)  
Cover design by Carolin Liepins

**Болд Э.**

Б79 Вечный / Эмили Болд ; [перевод с немецкого Н. Беляевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (Young Adult. Проклятие вечности. Романтическое фэнтези).

ISBN 978-5-04-110693-5

Судьба вернула им любовь, которая была сильнее времени и пространства...

Саманта мечтает лишь об одном: наслаждаться счастьем вместе с Пейтоном. Однако прошлое отравило их чувства. Совершенно случайно в одной из старых церквей она обнаруживает портрет девушки, которая как две капли воды похожа на нее. Потрясенная странной находкой, Сэм пытается узнать о незнакомке больше. Но девушка еще не догадывается, что этой картине суждено разрушить ее жизнь.

УДК 821.112.2-312.9  
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-04-110693-5

© Беляева Н., перевод на русский язык, 2020  
© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

## ПРОЛОГ

Шотландия, 1740

Луна окутала своим серебристым светом пологие холмы шотландского нагорья. Натайра Стюарт вздрогнула, соскользнув с седла рядом с безжизненным телом Ваноры. Никто не знал, что она вернулась обратно. Никто не понял бы этого, да она и не хотела, чтобы кто-то понимал. Белое одеяние Ваноры казалось светлым пятном среди темных скал, которые стали ее смертным одром. Натайра опустила на колени и обхватила руками умершую.

Всего несколько часов назад она прикоснулась к этой женщине — своей матери — в первый раз. В момент своей смерти Ванора схватила ее руку — руку убийцы? Или руку дочери?

Натайра сглотнула. Неужели она и правда смогла бы вонзить кинжал в грудь своей собственной матери, если бы узнала правду раньше? До сих пор казалось нереальным, что эта женщина действительно была ее матерью. Но, осознав это, она почувствовала глубоко внутри себя силу, унаследованную от ведьмы. Силу, существование которой она сохранит в тайне. Ей хотелось бы иметь возможность спросить свою мать об этом новом чувстве внутри себя.

Слезы текли по ее щекам. «*Mo nighean. Mo gràdh ort*», — раздавались в ее голове последние слова Ваноры. Значит, ведьма любила ее? Почему она никогда не

показывалась ей? Почему она не сопротивлялась, когда Натайра вонзила ей *Sgian dhub* в сердце? И почему ведьма все-таки произнесла проклятие?

Вся в слезах, она сидела рядом со своей бездыханной матерью, как девочка, которой она была, когда ненависть мачехи и жестокость отца превращали каждый день ее жизни в ад.

Через некоторое время Натайра вытерла слезы. Она чувствовала, как проклятие набирает силу, как оно тянется к ней своими холодными лапами, забирая у нее боль. С каждым разом ей дышалось все легче.

Девушка глубоко вдохнула, позволив прохладному высокогорному воздуху проникнуть в легкие и оживить разум. Туман поднялся из травы и окутал ее фигуру.

Когда чуждая сила завладела ее мыслями, перед мысленным взором Натайры всплыло воспоминание. Она увидела себя — в самый тяжелый момент своей жизни:

— Ребенок? Что ты имеешь в виду? У тебя будет ребенок?

Натайра вытерла слезы с глаз, не желая, чтобы Аласдер Бьюкенен видел ее боль. Неприкрытая радость в его голосе заставила ее ужаснуться еще больше. Тихо, почти не желая, чтобы он понял ее слова, она ответила ему:

— Нет, Аласдер, у меня не будет ребенка. Ты бросил меня, и я должна была принять решение. Я сделала выбор в пользу брата — и против тебя, и против ребенка.

Аласдер схватил ее за плечи, которые только что так нежно поглаживал, и безжалостно встряхнул:

— О чем ты говоришь? Я никогда не бросал тебя! Я последовал приказу твоего брата! А теперь расскажи

мне, что ты сделала, или, клянусь богом, я за себя не отвечаю!

Натайре не составило труда распознать в Аласдере гнев, унаследованный от предков, яростных и смертоносных викингов. Она боялась его. И в то же время она любила его так мучительно, что презирала себя за то, что сделала с ним.

— Отпусти меня! Убери от меня свои грязные пальцы! Я сделала все, что нужно, чтобы не породить на свет бастарда! Ты слишком много вообразил себе, викинг, когда подумал, что место в моей постели равносильно месту в моем сердце. Моя любовь и верность принадлежат только одному человеку — моему брату.

Охваченный болью и гневом, Аласдер схватил Натайру за горло, словно не желая больше слышать ни единого злобного слова. Она знала, что разрушила его будущее и вырвала у него сердце из груди.

Мужчина сжал горло крепче, как будто наслаждаясь ее сопротивлением и болью.

Аласдер опустил голову для последнего поцелуя, прежде чем ослабить хватку вокруг ее горла, и, прижавшись к ее мокрой от слез щеке, пробормотал:

— Надеюсь, твой брат отвергнет тебя, когда его союзник заметит в первую брачную ночь, что его прекрасная невеста уже была в объятиях другого.

Затем он прижал ее к стене, где Натайра, задыхаясь, осела.

Она схватилась за горло, отплевываясь и кашляя, болезненно втягивая спасительный воздух в свои горящие легкие. Ненависть вспыхнула в ее взгляде, и в небе над ними сверкнула яркая молния. Она бросила вызов своей судьбе. Если он убьет ее, она все равно уже умерла вместе с его ребенком.

— Моя брачная ночь тебя не касается, но, когда я вылезла из постели Блэра, у него не было причин жаловаться.

Эти слова заставили Аласдера поднять на нее руку.

— Ты ударил меня! — выдавила Натайра, задыхаясь, и схватилась за щеку. — Но знаешь что, Аласдер? Боль пройдет, угаснет. Как и все, что когда-либо было между нами!

Сквозь завесу слез она видела, как их любовь уходит во тьму, и молилась о жизни без боли. Без всяких чувств — как легко можно было бы тогда жить.

Натайра открыла глаза. Она покачала головой, отрицая правду, чтобы прогнать воспоминание.

— *Màthair!*

Неуверенно она погладила умершую по щеке, убрав в сторону белые волосы. Натайра задавалась вопросом: смогла бы она что-то почувствовать к этой женщине, если бы все вышло иначе? Ванора, вероятно, любила ее, услышала ее невысказанное желание и сделала ей неизмеримый подарок. Силы справедливой ведьмы. Стихающая боль и угасающие чувства были ей желанны, после всех страданий, которые пришлось испытать в течение всей своей жизни.

Топот копыт приближающейся лошади заставил Натайру подняться. В ее темно-зеленом лифе зиял разрез, а юбки, которые она надорвала для борьбы, прилипли к бедрам. Ветер убрал ее длинные черные волосы с лица и донес до ее ушей голос человека, который был ее жизнью. Человека, который одновременно ненавидел и любил ее, единственного, который будет оплакивать ее смерть и направит свой меч на кровавую месть.

Его большой силуэт вырисовывался на фоне холмов нагорья, и Натайра бросила последний взгляд на тело своей матери.

— Ты здесь, чтобы отпраздновать свой триумф, дорогая? — спросил Аласдер с едва сдерживаемой горечью.

— Хорошая догадка, викинг! Я вернулась, чтобы забрать свой кинжал, но он исчез, — объяснила Натайра, не удостоив Аласдера особым вниманием. — Что тебе надо здесь? Грабить мертвецов, как это делали твои предки? Убивать и устраивать поджоги? — с вызовом сказала она ему.

— Закрой рот! Катель послал меня проведать тебя, а мы всегда делаем то, что приказывает твой брат, — неважно, чего нам это стоит, да?

Натайра улыбнулась. Она чувствовала себя сильной с тех пор, как ощутила в себе силу ведьмы. Словно между ней и воином не было ни ненависти, ни предательства, она подошла к нему и положила руки ему на грудь.

— Ты не его орудие, Аласдер... — шепнула она ему на ухо, — а мое. — Она поцеловала его и почувствовала, как напряглись мышцы мужчины и ускорился пульс. Натайра думала, что он оттолкнет ее от себя, но этого не произошло.

— Поверь мне, викинг... нашей боли больше не будет, — она положила руку на его сердце и прижалась своим лбом к его, — и наше время придет. Мы воссоединимся. Я знаю это, потому что чувствую в себе силу, которая...

Аласдер с такой силой оттолкнул ее от себя, что она пошатнулась и рухнула на землю. Мужчина повернулся

к ней спиной и вскочил в седло. Затем посмотрел на нее сверху вниз.

— Ты думаешь, что знаешь нашу судьбу? — закричал он. — Ты ошибаешься, Натайра! Я больше не обнажу свой меч ради женщины. Для нас, дорогая, во всей вечности больше не осталось счастья.

Натайра смотрела ему вслед, но не видела воина: это были образы, которые стояли у нее перед глазами, как видение. Это образы того времени, которое еще не наступило...

## ГЛАВА 1

### Эдинбург, наши дни

Такси свернуло за угол, и я украдкой смахнула слезу с уголка глаза, перестав махать рукой. Видеть, как мои родители уезжают, оказалось тяжелее, чем я ожидала.

Пейтон положил руку мне на талию и притянул к себе.

— *Mo luaidh*, с тобой все в порядке?

Я кивнула. А что я должна была сказать? Не лучший момент для сомнений. Не должно быть вообще никаких сомнений! Я в Эдинбурге, у Пейтона Маклина, шотландца, которому я обязана своей жизнью и которого люблю больше всего на свете. Мы столько всего вынесли, преодолели такие препятствия, которые невозможно постичь разумом, и победили врагов, которые явно хотели нашей смерти.

Все это произошло за последний год.

Теперь лето снова уступило место осени, и время постепенно затягивало наши раны. От спасительного пореза кинжалом, на котором оказалась кровь ведьмы Ваноры, на груди Пейтона осталась лишь едва заметная линия.

Даже мой ужас от воспоминаний поблек. Правда, я никогда не забуду своего путешествия в прошлое, хотя опасности, которой я там подвергалась, в моей новой жизни не было.

Я улыбнулась Пейтону, пытаюсь понять, как он себя чувствует теперь, когда мы официально живем вместе. Несмотря на то что темные солнцезащитные очки скрывали его золотистые глаза, он выглядел довольным.

— Пойдем внутрь? — спросил он, указывая головой на дверь.

Я кивнула, и он нежно поцеловал меня в лоб. Потом юноша бесцеремонно поднял меня и перенес через порог, что было немного неловко, ведь мы еще не были молодоженами.

— Не грусти, Сэм. Это ведь не прощание навсегда, — попытался успокоить меня Пейтон, но его слова словно бередили рану, которая никак не хотела затягиваться.

Черт, я настоящая развалина! Я постаралась храбро улыбнуться и зарылась лицом в его грудь, чтобы он не видел моей боли. Никогда бы не подумала, что именно он может стать причиной моей грусти. И все же это было так.

Мы любили друг друга — больше, чем это вообще возможно. Мы с Пейтоном были предназначены друг для друга, в этом нет сомнений. Каждый из нас посмотрел в глаза смерти ради другого. У нас было одно — нет, даже два проклятия, и наша любовь прошла через само время.

Двести семьдесят лет Пейтон ждал, что снова увидит меня, чтобы разрушить любовью проклятие, сотворенное ненавистью. Эти годы не прошли даром и изменили его. Я понимала это, потому что за время моего путешествия во времени я узнала и полюбила Пейтона, которым он был до того, как проклятие Ваноры лишило его чувств. Я слотнула, потому что, как всегда, когда я думала об этом, мое горло сжалось.

— Я люблю тебя, Пейтон, — заверила я его. — Я всегда буду любить тебя, и если я могу остаться с тобой, то...

— Сэм, то *luaidh*, успокойся. Ты же сама сказала, тебе здесь не место. Завтра в это же время мы уже доберемся до хижины, а до тех пор я хочу побыть с тобой. Небо послало мне тебя, чтобы я мог вынести свою участь, а поэтому давай не будем оглядываться назад, чтобы не растрачивать время попусту.

— Но, Пейтон, если бы ты знал, что я сделала, то...

— Нет, Сэм. Неважно, что ты сделала, и неважно, что сделал я. Вина и ненависть не смогут затмить единственное, что у меня осталось.

Если бы я продолжила размышлять о том, насколько велика моя вина в его проклятии, его судьбе и его страданиях, то я провела бы первый совместный вечер в нашей квартире вся в слезах.

Пейтон закрыл за нами дверь уютной комнаты в старом доме, не отпуская меня.

— Что нам теперь делать, Сэм? — прошептал он мне на ухо, поворачиваясь к загромождавшим гостиную корбкам с вещами.

— Следует ли мне позаботиться об этом... — он повернулся, и теперь мы смотрели в сторону спальни, — или мне нужно позаботиться о тебе? — спросил он, и уголок его губ хитро вздрогнул.

На сердце сразу же стало легче. Я должна была наконец научиться жить со своей виной, так же как и Пейтон со своей. Я обвила руками его за шею и поцеловала.

— Завтра приедут Шон и Эшли, они могут помочь нам распаковать вещи, — предложила я, указав на спальню, где все еще витал тяжелый запах свежей краски.

Пейтон торжественно перешагнул порог и мягко опустил меня на кровать. Он лег рядом со мной, сдвинув свои солнечные очки на взъерошенные волосы.

Его взгляд, как всегда, был серьезен и вместе с тем нежен. Мне хотелось бы, чтобы этот взгляд не причинял мне боли. Я сглотнула, пытаясь избавиться от комка в горле, но мне это не удалось.

С каждым днем после событий на кладбище рядом с *Aulda 'chruinn* вина давила на меня все сильнее. Слова Пейтона из того времени сводили меня с ума: «Только теперь я понимаю, как был потерян во времени без тебя».

Что же я наделала, с ним и со всеми остальными...

Я видела боль в его глазах и знала с того момента, что мое вмешательство в прежнюю жизнь Пейтона было лишь причиной его безмерных многовековых страданий.

Я поднесла руку к щеке юноши. Под пальцами была грубая щетина, когда я поглаживала шрам, который остался у него после моего путешествия в восемнадцатый век.

Я снова поцеловала его, но неприятное ощущение не покидало меня.

«Саманта Уоттс, возьми себя в руки и оставь прошлое в покое!» — попыталась успокоиться я. Если Пейтон смог это сделать, почему мне было так трудно?

Я прижалась к нему теснее и погрузилась в наш поцелуй. Я должна была почувствовать его настолько близко, насколько это возможно, потому что в моем сердце поселился страх.

*Неважно, что ты сделала, и неважно, что сделал я. Вина и ненависть не смогут затмить единственное, что у меня осталось.*

Мы никогда не говорили о том, насколько сильно я изменила его прошлое, — и, наверное, никогда не смогли бы. Я боялась, что он не сможет меня простить, но все это я делала только ради него. И это знание тяготило меня так же, как и вина. Правда, до сих пор мы вместе преодолевали любое препятствие, но в итоге между нами стояло столько же невысказанного, сколько и боли.

— Я люблю тебя, Сэм, — пробормотал Пейтон где-то у моей шеи, и я знала, что это правда. Мои руки скользнули под его рубашку, и я стянула ее через голову. Кожа Пейтона была теплой, его запах таким знакомым, а сердце билось в унисон с моим.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала я и закрыла глаза, чтобы скрыть свои слезы.



Мы завтракали за импровизированным столом из коробок, когда в дверь постучали.

Мне нравился этот звук. Он был гораздо приятнее, чем пронзительные современные звонки. А кованый лев, держащий в своей пасти кольцо для того, чтобы стучать в дверь, запомнился мне с самого первого посещения этой квартиры. Высокие потолки, просторные окна и искусная лепнина на стенах гостиной сразу очаровали меня, в то время как Пейтону особенно понравилась старая напольная керамика.

Я поспешила к двери, потому что плитки, которые так нравились Пейтону, обжигали мои босые ноги холодом. Я была босиком, потому что коробка с теплыми носками куда-то подевалась.

— Привет! Входите!

— Привет, я принесла кофе из магазинчика на углу. — Эшли зашла с дымящимися стаканами в квар-